

Международное право и Православная церковь: идеи М. В. Зызыкина в 1930-е годы

Ирина Борщ

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Лаборатория исследований церковных институций,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Адрес: Лихов пер., д. 6, стр. 1, Москва, Российская Федерация 127051
E-mail: irina.borshch@yandex.ru

В статье рассматриваются идеи правоведа и историка М. В. Зызыкина (1880–1960) о вкладе церкви в международное право в контексте истории права и состояния международных отношений 1930-х годов. Особое внимание уделяется отношению правослаvia к международному праву, поскольку Зызыкин — один из немногих правоведов, подробно исследовавших влияние на «право народов» православной церковной традиции. Его работы на эту тему (прежде всего очерк «Церковь и международное право» (1937), написанный для Оксфордской конференции практического христианства) остаются малоизвестными представителям социально-политических наук, как это произошло со многими трудами русских ученых в эмиграции в межвоенный период. В первой части нашей статьи излагаются основные моменты биографии правоведа и краткое описание его трудов, с целью показать особенности его подхода к проблеме христианского международного права. Во второй части рассматриваются основные положения о происхождении международного права (в средневековой Европе при участии церкви) в контексте позиций других правоведов-международников (Таубе, Мартенса, Камаровского, Ниса, Блюнчли). Третья часть содержит сравнительную характеристику отношения к международному праву трех христианских конфессий (католичество, протестантизм, православие) по Зызыкину, и его идею «несимметричного» вклада христианского Запада и Востока (представленного первоначально Восточной римской империей, а затем Российской империей). В четвертой части излагается наиболее оригинальная часть идейного наследия Зызыкина: сравнение двух уязвимых попыток международного объединения — Священного союза в XIX веке и Лиги Наций в XX веке. При этом правоведа отдает предпочтение православно-консервативному проекту Священного союза как более реалистичному и морально-обоснованному.

Ключевые слова: Православная церковь и международное право, М. В. Зызыкин, право и религия, христианское международное право, история правовой мысли XX века

Биография и труды Михаила Зызыкина

Михаил Валерьянович Зызыкин (1880, Юркино, Тверская губерния, Россия — 1960, Буэнос-Айрес, Аргентина) — русский правоведа и историк, происходил из состоятельной семьи известного купеческого рода, занимавшегося виноделием в Тверской губернии¹. По окончании юридического факультета Московского универси-

1. О семейной истории рода Зызыкиных см.: Быковская, 2009.

тета в 1911 году был оставлен преподавать в *alma mater* в качестве приват-доцента. Занимаясь юридической наукой, Зызыкин продолжал руководить семейным бизнесом. После Октябрьской революции 1917 года и последовавшей национализации своего завода он был вынужден эмигрировать. В 1921 году вместе с семьей и обширной библиотекой Михаил Валерьянович выехал в Константинополь, затем в Рим и, наконец, в Софию, где стал преподавать в местном университете. В 1929 году был приглашен в качестве профессора Православного богословского факультета Варшавского университета на кафедру православной социологии и канонического права. Во время Второй мировой войны семья Зызыкина переехала из Польши в Австрию, а после окончания войны — в Аргентину². Михаил Валерьянович умер 29 июля 1960 года в Буэнос-Айресе.

В 1920-е годы Зызыкин писал книги по истории государства, церкви и политической мысли в России. Будучи в Болгарии, он закончил свой первый труд «Царская власть и Закон о престолонаследии в России» (Зызыкин, 1924). Эта книга стала известной в среде эмиграции и широко обсуждалась правоведами, философами и богословами³. Там же, в Болгарии, им была написана книга «Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи» (Зызыкин, 1931–1939), представленная впоследствии в качестве магистерской диссертации для защиты в Русской Академической группе в Париже в 1928 году. Одной из главных тем книги было разделение властей в духе государственно-церковного дуализма патриарха Никона.

В начале 1930-х годов выходят очерки Зызыкина в поддержку автокефалии⁴ Польской православной церкви (Зызыкин, 1931а, 1931б, 1932, 1939). В этот период Михаил Валерьянович интересуется моделями государственно-церковных отношений в современных секулярных государствах с точки зрения христианской социологии. О церкви в Германии согласно Веймарской конституции 1919 года им написан очерк «О церковной самостоятельности в новейших построениях церковно-государственных отношений» (Зызыкин, 1932); французская модель обсуждается в очерке «Философия власти в свете христианской социологии» (Зызыкин, 1933) — по большей части это пересказ французской социологической литературы томистского направления.

2. Обстоятельства жизни М. В. Зызыкина во время Второй мировой войны (арест нацистами его сына с невесткой, переезды в Австрию, Париж и Женеву) описываются в воспоминаниях его внучки Татьяны (Сулковская-Зызыкина, 2012).

3. Обсуждению этой книги было посвящено заседание братства Святой Софии в Праге 13 и 27 ноября 1924 г. с участием о. С. Булгакова, П. Б. Струве, И. И. Лаппо, В. В. Зеньковского, Г. В. Флоровского, Л. А. Зандера, П. А. Остроухова и Н. О. Лосского. См.: Струве, 2000: 46–64. Ср. также критическое упоминание книги Зызыкина в программной статье Н. А. Бердяева «Царство Божие и царство кесаря» (Бердяев, 1925: 42).

4. Зызыкин, принадлежавший к РПЦЗ, имевший антибольшевистскую позицию, признавал неизбежной Польскую автокефалию с участием Константинополя; он не видел другого решения вопроса польского православия ввиду власти большевиков в России. Характерно, что статьи правоведа об автокефалии описывают больше «теорию», чем практику; он не касается исторических фактов переговоров между польским правительством и Константинопольским патриархатом об автокефалии в 1921–1924 (см.: Чибисова, 2018), деталей которых он мог и не знать, проживая в 1920-е гг. в Софии.

В середине 1930-х годов Зызыкин обращается к теме международного права и отношений. В статье «L'Église orthodoxe et la nation» (Zyzykin, 1936) он возвращается к теме автокефалии, но в этот раз в перспективе общения наций. Он предостерегает от опасностей *чрезмерного* национализма, полагая при этом все же, что национализм — это не препятствие развитию человечества, но стимул, при условии, что все нации находятся в организованном общении, а задачи Церкви не смешиваются с национально-государственными. В очерках «Международное общение и положение в нем человеческой личности» (Зызыкин, 1934) и «Церковь и международное право» (Зызыкин, 1937) впервые ставится вопрос о православном участии в международных организациях. Поводом для написания очерков стала конференция практического христианства в Оксфорде 12–26 июня 1937 года под названием «Church, State and Society», в которой Зызыкин участвовал в качестве докладчика на секции о праве войны⁵. К сожалению, эта работа русского правоведа не имела продолжения: ее ход был прерван событиями Второй мировой войны⁶. Такой же перерыв случился и с инициативами экуменического движения «практического христианства», с которым были связаны зызыкинские международные исследования. Только в 1948 году, во исполнение решений Оксфордской конференции 1937 года, на учредительной ассамблее в Амстердаме был создан Всемирный Совет Церквей. Зызыкин намеревался участвовать в амстердамской ассамблее от Русской зарубежной церкви, однако это намерение не могло осуществиться⁷.

В 1950-е годы в Аргентине в издательстве И. Л. Солоневича⁸ Зызыкин опубликовал исторические очерки о российских императорах Александре I и Николае I (Зызыкин, 1952, 1958), относящиеся не столько к исследовательской, сколько к популярной литературе⁹.

5. Материалы конференции см.: Oldham, 1937. Общий контекст и описание конференции см.: Федотов, 1937; Алексеев, 1938. Интересно, что в статье Н. Н. Алексеева упоминается вклад Б. П. Вышеславцева в работу секции о войне, но не упоминается Зызыкин. Умолчание удивительное, учитывая, что круг русских юристов, эмигрантов и выпускников Московского университета был узок. В качестве одного из объяснений можно предположить напряженные отношения между «парижским» православием (которое представляли Алексеев и Вышеславцев) и Русской православной церковью за границей, к которой принадлежал Зызыкин.

6. В 1940 г. он успел издать перевод на французский язык книги «Церковь и международное право». См.: Zyzykin, 1940. Ценность в этом издании представляет введение с подробной биографией Зызыкина, написанное, видимо, с его слов французским славистом Жюлем Патуйе (1862–1942), директором Французского института в Санкт-Петербурге в 1913–1919 гг.

7. Как пишет современный исследователь Андрей Псарев, «на вопрос профессора М. В. Зызыкина о возможности его участия в амстердамском конгрессе ему был послан ответ из Архиерейского Синода (11/21 февраля 1948 г.) о том, что, к сожалению, он не может быть назначен представителем Русской Зарубежной Церкви, так как Синод не получал приглашения из Амстердама, и что „мы не участвуем в Экуменическом совете“» (Псарев, 2003: 197–198).

8. Солоневич И. Л. (1891–1953) — русский философ, историк и издатель, автор концепции «народной монархии».

9. Впрочем, и в них повторяются высказанные правоведам ранее идеи о международной деятельности православных императоров (о них пойдет речь в этой статье).

В данной статье мы изложим основные идеи Зызыкина о международном праве, преимущественно по очерку 1937 года «Церковь и международное право» в контексте истории (генезиса) международного права, а также актуальной ситуации и обсуждения международных отношений 1930-х годов.

Христианские основания идеи международного права

Очерк о Церкви и международном праве Зызыкин начинает с краткого исторического введения. Его главный тезис — международное право появляется в Европе на христианском основании, и Церковь внесла значимый вклад в его историческое оформление. Тем не менее этот вклад был различен у церковью христианского Запада и Востока. Причина этого различия — раскол между двумя римскими империями, западной и восточной, в сфере культурного влияния которых формируется соответственно западноевропейское Средневековье и византийско-славянское. Собственно, именно «западноевропейский мир... представленный мировым институтом папства, создал международное право на христианской основе» (Зызыкин, 1937: 3). Церковь на Западе непосредственно участвовала в выработке международно-правовых понятий (ситуация дуализма власти давала возможность такого участия). «Западноевропейский мир... его правители, монахи, ученые, юристы, канонисты бесконечно много потрудились над выяснением его [международного права] природы, его усовершенствованием и осуществлением в жизни». В то время как в Восточной Европе «Православная Церковь выражала свой голос в международном отношении через императоров», имевших особое положение в Церкви (Там же: 3).

Согласно Зызыкину, два разных подхода *христианского международного права* развивались отдельно, пока снова не вошли в соприкосновение в начале XVIII века, когда Российская империя стала частью европейской системы международных отношений, продолжая оставаться официально православной державой. Соприкосновение двух традиций восточного и западного христианства (представленных в Новое время уже тремя христианскими конфессиями: католической, протестантской и православной) выражалось как в противостоянии, так и в совместных международно-юридических инициативах. «Сознание общности задач обеих половин Европы символизировалось готовностью к общей работе, заявленной еще в 1899 году перед Гаагской Конференцией в обмене нот между представителями Св. Престола и Восточного Императора» (Там же: 4). Было бы разумно, по мнению Зызыкина, чтобы правоведы православной традиции продолжали это сотрудничество даже после того, как православные монархии ушли в прошлое. Оксфордская конференция, для которой Михаил Валерьянович написал разбираемый нами доклад, являлась примером такого сотрудничества христиан разных конфессий в новейшую эпоху ради общих задач безопасности и мира.

Идея Зызыкина о христианском основании международного права может показаться претенциозной в наши дни, когда международное право представляет

собой инструмент преимущественно секуляризованного общества. Почему он начинает историю международного права с христианской Европы? Почему полагает, что ни еврейское библейское законодательство, ни римский стоицизм, ни буддизм не «дали основы для построения международного права» (Там же: 12)? Ключевым ограничением в распространении истории международного права на древность для него является то обстоятельство, что древность не имела развитого понятия личности. Современное международное право, полагает он, начинается в XVI веке и его развитие идет параллельно развитию представлений о правах личности¹⁰. Суверенитет, безусловно, центральная тема международного права модерна, но его обоснование происходит в атмосфере растущего социального индивидуализма. Суверенитет и правовое равенство каждого государства — участника международно-правового общения касается каждого гражданина данных государств. Равенство государств в международном общении в конечном счете имеет смысл только потому, что так уравниваются интересы граждан разных государств. «Мера развития международных отношений в то или иное время определяется степенью признания, которое находит человек сам по себе» (Там же: 12). В Древнем мире нет представлений о равенстве личностей, происходящих из разных народов¹¹. Поэтому в таком мире, как полагает Зызыкин, невозможен главный принцип международного права — равенства государств — участников международного общения (независимо от объема их территорий, их мощи, ресурсов, иерархии правящих династий и т. д.).

Помимо изменения взгляда на личность (изменения не одномоментного, но растянувшегося на века античности) христианизация Европы привела к фундаментальному повороту и в вопросе войны. Здесь Михаил Валерьянович повторяет тезис, присутствовавший у других правоведов: в древности всеобщая война «почиталась естественным отношением народов между собой» (Там же: 21). Напротив, христианские авторы античности видят в войне зло, хотя и неизбежное, поэтому «Церковь приступила к ограничению войны» (Там же: 22).

В своем историческом подходе Зызыкин наиболее близок к Михаилу Таубе (1869–1961)¹², российскому юристу и дипломату, которого он много цитирует. Таубе, обратившийся в католичество (после эмиграции в Париже он был активным участником Русского апостолата), защищал идею особой упорядочивающей роли христианской церкви в зарождении и развитии международного права в романо-германской Европе. Он утверждал, что международное право становится возможным только в Средние века и при участии церкви, в древности же народы жили

10. Об этом также в: Зызыкин, 1934.

11. Ср. у другого русского юриста-международника А. Н. Мандельштама: «Международное частное право не могло возникнуть в древности. Не говоря уже о народах теократических — Египтянах, Индусах, Евреях, ни Греки, ни даже Римляне не возвысились до признания личности иностранца... Евреи — избранный народ — считают богоугодным делом истребление других народностей» (Мандельштам, 1900: 1–2).

12. О международных идеях и работах Таубе см. подробно: Батлер, Иваненко, 2019; Стародубцев, 2000: 168–175.

изолированно друг от друга, понятия «иностранец» и «враг» были синонимами, а всеобщая война исчерпывала собой всю международную жизнь (Таубе, 1894). Эти идеи встречаются еще у Федора (Фридриха) Мартенса (1845–1909), выдающегося юриста-международника Российской империи, учителя Таубе (Mälksoo, 2015: 42–51). Мартенс также отмечает центральную роль христианской церкви в формировании международного права в Средние века. Однако его отношение к религии более сдержанное по сравнению с Таубе и Зызыкиным: отмечая организационную силу церкви (в особенности папства), он не углубляется в историю и характеристики церковных институций и доктрин¹³.

Подход Зызыкина во многом совпадает с идеями и другого известного русского юриста-международника Леонида Камаровского (1846–1912)¹⁴ (хотя прямых ссылок на него нет). Камаровский подчеркивал, что христианство «составляет резкую противоположность языческим религиям, которые все были национальны. Хотя не оно прямо и непосредственно создало международное право, но оно, в числе других факторов, более всего для него проложило и расчистило почву в силу того глубокого внутреннего сродства, которое существует между его идеями и заповедями, с одной стороны, и началами международного права, с другой» (Камаровский, 1900: 8). Камаровский изучал международное право на лекциях в Гейдельберге у Иоганна Каспера Блюнчли (1808–1881), швейцарского ученого и политика, одного из основателей Института международного права в Генте в 1873 году. Блюнчли связывал начало международного права с христианством, поскольку в международном праве для него важна была идея гуманистического отношения к войне (целенаправленное движение к миру и гуманистическому обузданию жестокости войны).

13. Ср.: «...благодаря распространению христианства в Средние века получает силу новое учение, что не подданическая связь лица с государством устанавливает известные личные и имущественные его права, а принадлежность человека к католической церкви» (Мартенс, 1882: 24). «...христианство, распространившееся между варварами и мирною проповедью, и силой оружия, соединило западно-европейские народы в одно церковное общество... Культурное влияние христианства... смягчало международные средневековые отношения... С постепенным соединением всех народов Запады в одно духовно-религиозное общество и развитием власти главы римско-католической церкви, все более укрепляется сознание общих культурных, социальных и политических задач, которые лежат на всех христианских государствах. Эти задачи разрешались под сильным давлением римской курии...» (Мартенс, 1882: 68–69).

14. Граф Л. Е. Камаровский — русский юрист-международник, декан юридического факультета и ректор Московского университета. В 1909 г. был представителем России в Гаагской палате международного третейского суда. По воспоминаниям его ученика, правоведа А.С. Яценко, «он был очень религиозной натурой и верующим христианином, вполне преданным заветам православной церкви. Никакого важного дела он не начинал без молитвы и пред всяким решительным шагом в своей жизни он шел помолиться к иконе Иверской Божьей Матери. Он постоянно находился в тесных дружественных отношениях со многими высшими иерархами русской церкви, особенно с бывшим ректором Московской духовной академии, доктором богословия высокопреосвященным Арсением, архиепископом новгородским и членом Государственного Совета, и с серпуховским викарным епископом Анастасием» (цит. по: Томсинов, 2019: 43).

Многие христианские идеи преуказали путь международному праву. Христианство видит в Боге Отца людей, а в людях — сынов Божиих. Этим в принципе признается единство человечества и братство всех народов. Христианская религия преклоняет гордость античного самодовольства и требует от людей смирения... Таким образом она устраняет препятствия, которые мешали возникновению международного права в Древности. Она действует на людей возвышающим и освобождающим образом, очищая их и примиряя с Богом. Она есть весть о мире. Отсюда было бы вполне естественно перевести эти идеи и заповеди на юридический язык и превратить их в принципы гуманного международного права, которое признает все народы членами одной великой семьи — человечества, охраняет повсюду мир на земле и требует даже во время войны уважения к общечеловеческим правам. (Цит. по: Камаровский, 1900: 23)

Надо сказать, что история международного права в последние десятилетия XIX века только зарождалась как дисциплина. Академическая история права традиционно рассматривала гражданское и публичное право, оставляя вопросы дипломатии и международных отношений за скобками. Одним из первых историков международного права можно назвать Эрнеста Ниса (1851–1920), брюссельского профессора и члена международного арбитражного суда в Гааге (Koskenniemi, 2011: 152). Характерно, что свою историю международного права он начинал с эпохи Ренессанса, признавая при этом, что элементы международного права существовали еще во времена финикийцев (Nys, 1893). Учитель Ниса, бельгийский историк и юрист Франсуа Лоран (1810–1887), известный своим антиклерикализмом и исследованиями наполеоновских кодексов, посвятил первые четыре главы «Истории права народов и международных отношений» (Laurent, 1851) восточным империям, грекам, римлянам, и раннему христианству. Для Ниса и Лаурена история международного права имела смысл как путь прогресса, ведущий от разделенности к единству человечества. Как отмечает современный исследователь Мартти Коскенниemi, внутренняя телеология истории человечества для них выражалась и исполнялась через международное право и именно в таком космополитическом и идеологическом контексте в Генте (Бельгия) в 1873 году был создан Институт международного права (Koskenniemi, 2012). Эта идея прогресса была идеализированным образом Европы для себя самой, секулярные (или даже откровенно лаицистские) тенденции стали частью образа Европы, создаваемого юристами-международниками. Федор Мартенс, не высказывавший откровенно лаицистских формул, также соотносил себя с идеями прогресса, характерными для кругов Института в Генте. Его первый учебник содержал обширнейший исторический очерк с целью показать, что «основным законом всей истории международного права... служит закон прогрессивного развития международных отношений» (Мартенс, 1882: 23).

Если мы вернемся к подходу Зызыкина, то и для него важна идея прогресса¹⁵ — но не как секулярного отхода от религии и церкви, а как развития христианского идеала в истории (причем не только в Средние века). Он полагает, что только на основе христианства появляется сама идея братства и равенства народов, лежащая в основе международного права, а также и развитие идей прав личности. При этом христианские идеалы не сразу проникают в жизнь Римской империи, «а много позже в сочетании с индивидуалистическим духом германской расы» (Зызыкин, 1937: 13). Происходит это уже в эпоху феодализации Европы. Феодализм сохранил принцип права из античного Рима, но «он выдвинул на первое место человека, а не гражданина, как это было в древности. ...В античном государстве, где свой гражданин был ничто в сравнении с государством, а тем более иностранец как единичный, так и совокупный был бесправен, и потому не было основы для организованных правовых отношений между государствами...» (Зызыкин, 1937: 14). В собственном же смысле международное право («подлинное») появляется уже с закатом средневековых институтов, Императора и Папства, «когда явилось несколько равноправных субъектов международного права, самодержавных и изнутри, и извне, сознававших себя как отдельную культурную группу» (Зызыкин, 1937: 11).

Еще одна важная черта подхода Зызыкина — приверженность восточному христианству, православию и попытка определить его вклад в международную область. Поэтому прогресс в праве у него описывается как нелинейный и несимметричный. Он признает, что «не было почвы для развития международного права в Греко-Славянском мире, ибо, при наличии общей культуры, недоставало сознания обязательности их [государств или народов] общения и солидарности на основе принципов правового равенства» (Зызыкин, 1937: 14). Здесь Зызыкин развивает вполне западнические идеи о свободе, свойственной преимущественно германским народам, а также продолжает историко-международную теорию Таубе. Тем не менее он не поддерживает Таубе в предположении о том, что Русь была отрезана от Западного мира, христианской политической культуры и *власти римского папы* монголо-татарским господством¹⁶. Он полагает, что, во-первых, русское государство всегда развивалось в ареале восточной Византийской империи, со всеми особенностями положения уже существующего на тот момент культур-

15. Ср. характерное высказывание «любовь заставляет прогрессировать социальную справедливость, его не может совершить естественное чувство братства по человечеству, любовь заставляет делать и другому то, на что человек не имеет права претендовать» (Зызыкин, 1937: 20).

16. Похожее на Таубе (Таубе, 1926) видение было у итальянского правоведа Джорджо дель Веккьо (1878–1970), ректора Римского университета в 1925–1927, известного в послевоенной теории международного права своей критикой Ганса Кельзена. Итальянский юрист в очерке 1956 г. пишет о том, что в Средние века начинает определяться «христианское международное право», которое естественным образом распространяет себя и на Восток Европы (Россия, Польша, Венгрия), когда эти страны ок. 1000 г. принимают христианство; даже случившаяся в 1054 г. схизма восточной церкви не прервала отношений России с Западным миром, и только татарское нашествие XIII в. привело к тому, что большая часть русской территории на несколько веков была отделена от христианских государств, признававших в качестве высшей власти в христианском сообществе власть Папы (Del Vecchio, 2018: 31).

но-политического и церковного раскола «греков и латинян». Во-вторых, Россия самостоятельно создавала собственную политическую культуру. В-третьих, в XVIII веке она окончательно включилась в европейскую систему международных отношений, признав выработанные на тот момент в Западной Европе принципы, но сохранив своеобразие православия.

Западное и восточное христианство в истории международного права

Римско-католическая международная традиция

Существенная часть очерка Зызыкина посвящена влиянию Католической церкви на международное право¹⁷. Пожалуй, главным вкладом Римской церкви во главе с папой в средневековые международные отношения можно считать консолидацию военно-политических сил Европы для отражения арабского завоевания. Церковь не только призывала к крестовым походам, но осуществляла длительную и систематическую работу координации христианских правителей. Подобная работа была возможна только благодаря существованию устойчивой церковной институции. «Идея замирения народов для борьбы с мусульманским нашествием приводит к тому, что папские нунции выступали не только примирителями в качестве третьей стороны, но и мандатариями одной из них» (Зызыкин, 1937: 43).

В этом контексте разрабатывалась доктрина западной церкви о «справедливых войнах» и о христианском воинстве. Полное исчезновение военных столкновений было невозможно, однако стремление к ограничению военного насилия прослеживается в церковных канонах, создавая формальные обязательства выделения лиц (духовенство, женщин и детей) и вещей (церковное и крестьянское имущество) из военного насилия. Зызыкин полагает, что понятие комбатантов, выработанное под влиянием церкви в Средние века, вовсе не известно воинам древности. Он приписывает воспитательному влиянию церкви и распространение идей нейтралитета; а также сохранения жизни пленным без превращения их в рабов; и даже ограничения дальнобойных орудий. Впрочем, как отмечает правовед, церковные каноны исполнялись на войне так же «условно», как и решения мирных конференций XIX–XX веков (Там же: 53).

Но самый важный вклад церкви в формирование международного права в Европе — это сама форма межгосударственных ассамблей по подобию церковных соборов.

В эпоху Средних веков мы находим зарождение конгрессов, которые служат не только мирному разрешению вопросов, но и первым глазом по пути организации международного общения. Средневековые соборы Западной Европы... часто разбирали и политические вопросы. Они нередко составлены не только из духовных лиц, но и светских, под моральным главенством

17. Изучение католического влияния на международное право было распространенным направлением исследований русских международников. См.: Таубе, 1894, 1899; Байков, 1904; Коровин, 1931.

Папы или императора, и были своеобразными съездами нотаблей со всей *Respublica Christiana*... Наряду с ними мы видим и подлинные дипломатические съезды, сначала уполномоченных государств с участием церковных сановников... Это уже прототипы Вестфальского конгресса, знаменующего уже наступление новой эры международных отношений Нового времени с отвержением верховенства Папы и императора. (Там же: 47–48)¹⁸

Наконец, надо сказать об особой роли римских пап, без которой не было бы всей вышеперечисленной церковной международной деятельности, типичной для Западной Европы. Папа «находился в особо привилегированном международном положении, являясь совершенно независимым от светской власти и даже суверенным государем, стоящим во главе самостоятельного государства с VIII в. и общепризнанным субъектом права в международных отношениях... Посредничество пап обнаруживается уже с V в. в сношениях с гуннами; они же спасали от взаимного уничтожения итальянские республики Средних веков» (Там же: 56). Зызыкин указывает на то, что позитивные черты организации общения народов под покровительством пап были оценены даже «врагами католичества» социалистом Сен-Симоном и позитивистом Контом (Там же: 57–58), которые одобрительно писали о средневековом единстве Европы как примере для будущего.

В Новейшее время Лига Наций, по мнению Зызыкина, которое он излагает, опираясь на работы французского иезуита Ива де Ла Бриера¹⁹, столкнулась с теми же задачами, которые в прошлые века ставило перед собой папство в Европе. Вплоть до Нового времени «Римский престол был первой постоянной институцией медиации, известной всемирной истории, арбитраж же существовал и в древности. Посредничество является более подходящим учреждением для решения больших политических споров, чем третейский суд» (Там же: 54). Знаменательно и то, что посредничество папы в мирных переговорах не уходит в прошлое с наступлением Нового времени, отмечает русский ученый, хотя и меняет свои формы: от публичных соборов и конгрессов оно переходит в область дипломатии. Даже протестантские правительства признают посредничество папы или по крайней мере ищут поддержки со стороны его морального авторитета²⁰.

18. О церковных ассамблеях как формальном образце для международных см.: Croxton, 2013.

19. Ив де Ла Бриер (1877–1941) — французский иезуит, публицист, монархист, оказывавший поддержку Лиге Наций и писавший статьи о международном праве.

20. Зызыкин, опираясь на книгу де Ла Бриера «L'organisation internationale du monde contemporain et la rareté souveraine» (La Brière, 1924), приводит следующие примеры: в правление Бисмарка Германия и Испания воспользовались арбитражем папы Льва XIII в споре о Каролингских островах; в 1794 г. английский премьер-министр Уильям Питт-младший обратился к папе за поддержкой против революционного французского правительства; в 1820 г. к папе обратился Александр I по поводу «неаполитанского дела», о чем русский министр объявлял на конференции в Троппау. Обращался к папе Льву XIII и император Николай II перед созывом Гаагской конференции: 30 августа 1898 г. представитель в Ватикане Чарыков просил папу силой морального авторитета поддержать дело Гаагской конференции, а кардинал Рампола 5 сентября «выразил на это согласие, указав, что Европа совершила ошибку, положив в свое время (в XVII в.) за основание международных отношений право, основанное на силе: система эта и привела ее в тупик» (Зызыкин, 1937: 62–63). С такой же просьбой обратилась

Таким образом, Лига отражает в своей структуре и задачах «многие ранее выраженные желания пап» (Там же: 42), в особенности это касается необходимости создания институции международного арбитража и посредничества, а также возможностей международного вмешательства. В то же время попытки папы Бенедикта начать мирные переговоры во время Первой мировой войны скорее можно рассматривать не как свидетельство продолжения традиции посредничества папы, но как знак глубокого кризиса этой традиции²¹.

Реформация и международное право

В эпоху модерна появляются правовые теории, созданные под влиянием Реформации, которые оказали существенное влияние на область международных отношений. Зызыкин указывает две проблемы, к которым привело, по его мнению, развитие международно-правовой мысли в традиции протестантизма. Во-первых, отрыв позитивного права от религии и морали. Во-вторых, абсолютизация государственного суверенитета.

Протестантское развитие идей международного права можно проследить при переходе от Гуго Гроция к последующему поколению протестантских ученых. Гроций — убежденный протестант, но не лаицист, напротив, он видел необходимую связь между христианской религией и международным правом. Однако после Гроция появляются две тенденции, ссылающиеся на него как на авторитет в международном праве, но отступающие от его христианского синтеза. Первая представлена Самуэлем Пуфендорфом (1632–1694) и Эмером Ваттелем (1714–1767), вторая — английскими правоведами Альберико Джентили (1552–1608) и Ричардом Зушем (в русской литературе также Ричард Зач) (Zouch, 1590–1661). Первая тенденция приводит к секулярной континентальной философии права в применении к межгосударственным отношениям, вторая — к британскому позитивизму в международном праве²². Общим для развития правовой и государственной теории модерна становится ключевое понятие абсолютного суверенитета государства. Международное право постепенно превращается в *межгосударственное*. Появляется новое оправдание войны — национальные интересы; подобным прагматическим образом оправдываются и союзы государств. В межгосударственных союзах ищут усиления, а не справедливости. Даже Лига Наций получает оправдание, по

в письме к папе и королева Нидерландов. И получила знаменательный ответ о том, что не просто моральная поддержка, но «посредничество мира» является частью миссии папы.

21. См. о реакции французских католиков на предложение папского посредничества: Виватенко, 2016. В статье цитируется высказывание де Ла Бриера из газеты «La Croix» от 23 августа 1917 г.: «Очевидно, главы воюющих государств, которые ведут справедливую войну, имеют право не принимать посреднического предложения понтифика, если они после зрелого изучения осознанно верят в то, что у них есть серьезные основания не считать своевременными, эффективными решения, рекомендованные высочайшим посредником» (Виватенко, 2016: 64).

22. Позитивизм в международном праве следует отличать от философско-правового позитивизма, появляющегося в XIX в. и связанного в Британии с именами Иеремии Бентама (1748–1832) и Джона Остина (1790–1859).

этой логике, в том, что она является объединением большинства государств, а не в том, что выражает естественную справедливость. По Зызыкину, кризис Лиги Наций и победа большевизма — это всё последствия реализации призыва Альберико Джентили «*silente, theologi, in muñere alieno*» («молчите, богословы, в чужой для вас области»).

Теорию естественных прав в эпоху европейских революций следует отличать, полагает Зызыкин, от христианской теории естественного права, для которой суверенитет государства и его права на территорию не являются абсолютной целью. «Суверенитет есть только простое средство ввиду цели — социального блага: он есть право только в меру, необходимую для осуществления этой цели, ибо нет права без цели» (Зызыкин, 1937: 73).

Принцип несвязанной индивидуальной свободы и неограниченный суверенитет являются элементами анархическими... Конец XVIII и XIX века дали триумф чисто индивидуалистической теории естественных прав человека, основанных на *мнимом праве природы*... это право природы предполагает не существовавшее никогда состояние изолированности, которое будто бы есть естественное состояние человека... Эта индивидуалистическая теория применялась *a priori* и к государствам — суверенным лицам, живущим изолированно... Если государства входят в отношения между собой, то ничего нельзя налагать на них против их воли; отсюда требование единогласия на международных конгрессах. (Там же: 74–75)

Политико-юридические доктрины индивидуализма и суверенитета связаны с появлением представлений о *балансе сил* в Европе. Речь идет об устанавливаемом само собой равновесии великих держав, которое не нуждается в посредничестве папы или императора. Зызыкин полагает, что образ системы равновесия без единого центра обязан своим существованием именно протестантским идеям христианства без единого центра²³.

В протестантизме Новейшего времени русский правовед отмечает отрадное стремление к мирным инициативам, проявляющееся в том числе и в экуменическом движении. Однако для наступления мира необходимо признать недостаточность «теории равновесия сил». Нужны институты, в чем-то подобные средневековому общению народов с авторитетом папы над ними²⁴. Равновесие суверенных государств должно иметь противоположный полюс и точку опоры в иной власти, в инстанции справедливости, которая не находится во власти этих государств. В этом вопросе Зызыкин ссылается на мнение шведского протестантского епископа Натана Сёдерблума (1866–1931), находя у него «предпочтение... средневековому

23. В подтверждение своих слов Зызыкин ссылается на работы Эрнста Трёльча об истории протестантизма 1906 г. «Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt» (Trölsch, 1963) и Марка Бёнье о протестантизме и международном праве (Boegner, 1926).

24. Современный австрийский исследователь Джодок Трой проводит интересную параллель между полномочиями Папы римского и Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, показывая сходство их международной роли. См.: Troy, 2017.

общению под верховенством папы, той теории равновесия сил, которая господствовала до великой войны» (Там же: 90).

Православие и международное право

Влияние Католической церкви на международное право, подчеркивает Зызыкин, осуществлялось не только органами папского управления, но и клириками, и монашествующими, и объединениями католических мирян. В современную ему эпоху он особо выделяет такие инициативы, как «Социальные недели» (*Semaines sociales de France*); христианские общества изучения международного права в Фрибуре, Лувене и Париже (Там же: 91). Что же касается протестантского вклада, то после эпохи религиозных лидеров-реформаторов XVI века он был представлен протестантскими государями и учеными из государственных университетов. Деятельность же частных протестантских организаций международного характера, полагал Зызыкин, представляет собой сравнительно новое явление и их влияние на международные отношения пока трудно оценить.

Велась ли подобная деятельность в области международного права в православном мире? Русский ученый полагает, что до Первой мировой войны можно «искать влияния его [восточного христианства] на международное право и международные отношения только в лице императоров сначала Византийских, потом Всероссийских» (Там же: 91).

Международная роль византийского императора проистекала из того, что он был наследником древнеримского идеала *pax Romana*. Варварские короли Европы не претендовали на подобную международно-правовую роль гаранта мира, но с появлением западного императора франков ситуация изменилась. Для Зызыкина раскол Церкви («великая схизма») был в некотором роде следствием того, что в Европе существовало два императора, две культурно-исторические столицы вселенской империи, две инстанции надежды на международный мир. Однако на Западе императора вскоре оттесняет с первой позиции римский папа, и на протяжении всех Средних веков между ними происходит борьба за первенство, Восток же продолжал свою историческую традицию. «Император Византийский не затушевывается Патриархом, как Император на Западе Папой. В Православии Патриархов пять, а Император один. Он покровитель, защитник Православной Церкви, ее эпистимонарх; он собирает вселенские соборы, подписывает их решения, заботится о правоверии» (Там же: 93).

Власть императора за пределами империи была международно-правовой фикцией, однако у него было «особое положение международное, связанное с наличием особых христианских обязанностей и накладывавшее, как увидим, особую печать на императорскую международную политику» (Там же: 95). На Западе существовал дуализм двух универсальных правителей, императора и папы, поэтому «папа остался стражем универсальности Церкви, ее единства внутри и ее внешней свободы от светской власти» (Там же: 96). На Востоке же император вмешивался

в вопросы церковные; он оставался единственным носителем универсальности. Император заботился и о распространении православия, в частности посылал миссии в Индию. Если новый народ принимал христианство — он становился участником международного общения, если же христианство принимала только часть населения — эта часть приобретала право покровительства Константинопольского императора. Так создавался особый принцип *международного восточного права* — «вмешательство по человечеству» (по-видимому, это собственный перевод Зызыкиным французского термина «l'intervention d'humanité», который на тот момент еще не устоялся в русском контексте).

«Фикция универсального владычества Императора имела большое значение для международного права; на Западе эта фикция окончательно потеряла свое значение с XIV века, а на Востоке она легла в основу отношения не только к азиатским соседям, но и к Востоку Европы, создав здесь особую международно-правовую группу» (Там же: 97) — фиктивный вассалитет фактически независимых правителей. «Так создался целый мир с притяжением к Константинополю, приучивший все эти народы рассматривать себя как членов одной и той же семьи государств» (Там же: 63).

Восточный принцип «вмешательства по человечеству», как полагал Зызыкин, пережил Византийскую империю и был развит в России в XIX веке, когда вопрос вмешательства был предметом острой полемики между европейскими империями и стал одним из поводов к Крымской войне (1853–1856). Суть спора была в том, что западноевропейские империи оспаривали право и обязанность России вмешиваться во внутренние дела Османской империи в интересах христианского населения.

Зызыкин утверждает, что корни российской концепции вмешательства XIX века — в Византии, в обязанностях византийских императоров «защищать христианство, где бы оно ни находилось» (Там же: 99). В этом он ссылается на двух российских дипломатов-юристов — уже упоминавшегося Таубе и С. С. Татищева (1846–1906).

Таубе усматривает элементы теории вмешательства уже в VI веке в отношениях византийского императора к христианам других стран (Таубе, 1926)²⁵. У Татищева Зызыкин берет идею рассматривать отдельно, как две совершенно разные вещи, стремление России к обладанию Черноморскими проливами и стремление освободить христианские народы Балканского полуострова²⁶. Последнее намере-

25. Таубе приводит следующие примеры: в 571 г. император Юстин II оказывал помощь армянам, живущим в Персидской империи, как «своим по вере»; в 641 г. Византия заключила договор с арабами, где оговаривалось положение христианского населения Египта (зачатки экстерриториальности); принцип экстерриториальности для уголовных дел был прописан и в договоре Византии с князем Игорем от 944 г. (греки в России подчинялись греческим властям).

26. Характерно, что современные исследователи темы гуманитарных интервенций XIX века называли главу, посвященную политике России на Балканах, «между гуманитаризмом и прагматизмом» («The Balkan crisis of 1875–78 and Russia: between humanitarianism and pragmatism») (Heraclides, Dialla, 2015: 169–198).

ние было выражением комплекса обязанностей религиозной солидарности, а не логики политического становления одной из «великих держав» Европы. Переход от царства к империи в эпоху Петра I понимался как расширение международных миротворческих обязанностей: «Это было подлинное восстановление идеи империи как мира между народами, как отдельного юридического целого, возглавленного православным императором...» (Зызыкин, 1937: 106). Следствием такого понимания были попытки организации международного правового общения российскими императорами: идея Священного Союза Александра I; инициатива созыва конференций по гуманизации войны Александра II и Александра III (Петербургская 1868 г. и Брюссельская 1874 г.), Николая II по созыву двух Гаагских конференций о мире. Этим инициативам предшествовал опыт четырех веков помощи христианам Ближнего Востока, признаваемой всеми патриархами Востока в качестве законной обязанности русского монарха²⁷. Вследствие недоверия западноевропейских держав к России после Парижского мира 1856 года вмешательство православного императора было заменено коллективным вмешательством Европейского Концерта. Однако этот Концерт не достигал согласия и на практике приводил к невмешательству²⁸. Поэтому, как полагал русский правовед в 1930-е годы, институцию гуманитарного вмешательства необходимо усиливать в международном праве. «Институция вмешательства подлежит не только расширению, как это было с созданием мандатов, но и правовой регламентации, определению формы и видов своего проявления, т. е. какие державы и в каких случаях и каким способом должны вмешиваться, подобно тому, как установлено было в вопросах войны определение нападника и определение необходимых средств достижения законных целей мирными способами прежде обращения к войне» (Там же: 109). Свое понимание вмешательства Зызыкин сближает с теорией гуманитарной интервенции французского юриста Антуана Ружьера (Rougier, 1910). При этом русский правовед подчеркивает вклад религиозной солидарности в зарождение этого международного института. «Идея вмешательства... является общим достижением христианской мысли во всех трех исповеданиях, хотя везде иначе обосновывается, но нигде так ярко не выражена, как именно в Восточной Империи» (Зызыкин, 1937: 110). Защитники теории вмешательства были и в Европе: само особое положение римского епископа в международной иерархии политических центров всегда открывало возможность к вмешательству²⁹. Со стороны протестантов идея

27. Здесь Зызыкин ссылается на: Каптерев, 1895.

28. Ср.: «Европейская мысль еще недостаточно оценила то влияние на замирение Европы, которое осуществляла бывшая [Российская] Империя» (с. 163), пишет Зызыкин, ссылаясь на итальянского историка Гульельмо Ферреро (1871–1942).

29. В качестве примера Зызыкин приводит высказывания доминиканца Франсиско де Витория о возможности обращения американских индейцев к папе с просьбой избавить их от неверных правителей и дать им христианского государя. Другой пример — это осуждение невмешательства папой Пием IX (см.: Pius IX, 1860). Папа Пий утверждал, что принцип невмешательства может быть «опасно абсурдным», когда законным правительствам нельзя вмешиваться, в то время как революционные силы фактически вмешиваются, чтобы спровоцировать восстание, изгоняющее законных правителей.

вмешательства была популярна в эпоху Тридцатилетней войны³⁰. Позднее в колониальную эпоху появляется идея права вмешательства *цивилизованных* христианских народов.

Надо сказать, что сотрудничество в области миротворчества между православной Россией и другими европейскими странами было затруднено еще и тем, что на христианском Западе и Востоке по-разному эволюционировала доктрина о допустимых войнах. Зызыкин полагает, что тщательно разработанная в каноническом праве Запада доктрина «*bellum justum*» не имела влияния на «восточное международное право» (Там же: 99). В Византии всякая война императора почиталась как «*bellum sacrum*», тем не менее эта византийская традиция войны не имела развития в средневековой Руси. Россия унаследовала от Византии другой аспект понимания: война священна, если она ведется из любви к ближнему, во имя освобождения единоверцев от мусульман. Такое понимание было распространено и на Западе в эпоху крестовых походов («священная война с неверными»), однако в период колониализма и революций религиозные концепции и справедливой («*justum*»), и священной («*sacrum*») войны переживали глубокий кризис.

Описывая международную роль византийских и российских императоров, Зызыкин не намеревается идеализировать прошлое. Суть в том, чтобы показать логику развития международно-правовых идей в среде восточного христианства и поставить вопрос о будущем. «С падением православной Империи, разумеется, отпало и то содействие, которое оказывали Императоры Церкви Православной в социальной сфере, и отныне Поместные Православные Церкви и международные православные объединения силой вещей вынуждены принять на себя целиком ту работу в международном общении, которая состоит в усовершенствовании на пути к осуществлению христианских идеалов» (Там же: 96). Он также допускает, что в будущем возможна особая роль у Вселенского собора, который выскажется по вопросам международного права, войны и мира, признав, что объединение всего человечества по образу Святой Троицы, активное стремление к братству народов — это «заповедь для осуществления» (Там же: 10).

Сравнение недостатков православно-консервативного (Священный союз) и секулярного (Лига Наций) международных проектов

Поиск идейных оснований международного общения становится актуальной проблемой в XIX–XX веках, когда Католическая церковь окончательно перестает быть универсальным основанием международного общения народов. Французская революционная доктрина предлагает в качестве универсального основания идею Природы и производного от нее естественного права. Эта концепция естественного международного права XIX века отличается от традиционной христианской,

30. По книге Ружьера Зызыкин ссылается на Филиппа Дюплесси-Морне, гугенота и сподвижника французского короля Генриха IV, который полагал, что против тирана народ имеет право братья за оружие, а при гонении на протестантов внутри страны законно призывать помощь извне.

так как зачастую носит ярко выраженный антиклерикальный характер. В англо-американском мире, как обращает внимание Зызыкин, универсальной становится идея цивилизации. Права государственного суверенитета сопряжены с обязанностями соблюдать принципы и законы *цивилизованных государств*, к которым относится и смягчение зол войны. На христианском Востоке идеи естественного права исторически не получили широкого распространения; «там привыкли ориентироваться по линии понятия священного. Это отнюдь не значит, что идея естественного права была бы чужда Востоку» (Там же: 144–145). Тем не менее идея природы или цивилизации была бы недостаточна для обоснования усилий объединения, союза. Восточное правосознание в этих случаях прибегает к идее «священного единения на основе заповедей Христа» (Там же: 145).

Эти положения Зызыкин развивает, предлагая сравнительный анализ Священного союза 1815 года и Лиги Наций 1919 года³¹. Священный союз, как международный проект православного императора Александра I, предложенный на Венском конгрессе, Зызыкин предлагает «резко и категорически отличать... от политической комбинации, составленной на правовой основе Священного Союза в Aix la Chapelle в 1818 г.» (имеется в виду Аахенский конгресс 1818 г.), а также и от интерпретации идей Александра австрийским политиком графом Меттернихом (Там же: 145). Политической комбинацией, установленной Аахенским конгрессом, стала гегемония пяти великих держав, взявших на себя противодействие революционным течениям и поддержание территориального и династического *status quo*. «Эту цель, привязанную к Священному Союзу, необходимо отличать от основной его идеи — необходимости коализировать силы Европы для составления общества наций, регулируемого правом, моралью и религией. Совершенно также и в Пакте Лиги Наций должно отличать основную идею необходимости организации международного общения правом от прикрепления его к определенному *status quo*, установленному в Версале» (Там же: 146).

Главную идею русского царя Александра Зызыкин видит именно в международном (региональном) объединении на юридических принципах, но без отрыва от морали и религии. Присутствие религиозных принципов в международных отношениях он оценивает как положительное явление, и в подтверждение приводит мнение швейцарского писателя Робера де Тразы о недостатках секулярной идеологии Лиги Наций: «Идеология 1919 г., мессианская по существу, претендует на нововведения гораздо больше, чем Венская идеология, называвшая себя консервативной... Она не обращается к тому, что было и что испытано, она устремляется к тому, чего еще нет... Далекая от признания первородного греха, как то делали подписями своими реалистические деятели Св. Союза, она предполагает

31. Надо сказать, что обращение к международно-правовым проектам русского царя Александра I отвечает логике, присущей правовым взглядам Зызыкина. Однако именно к этой перспективе — сравнению Союза с Лигой наций — его могла подтолкнуть книга швейцарского писателя-протестанта Робера де Тразы о Священном Союзе и Лиге (Traz, 1936). Помимо нее Зызыкин также опирается на труды русского историка Василия Карловича Надлера (1840–1894) об Александре I.

естественные добрые качества человека. Поэтому она — дитя современной эпохи, опьяненной развитием наук, социалистическими присвоениями и уверенностью, что завтрашний день нам принесет счастье» (цит. по: Зызыкин, 1937: 147–148)³². Подобная позиция за несколько лет до Второй мировой войны, безусловно, была роковой ошибкой. Среди других ошибок Лиги Наций Зызыкин называет то, что она объединяет страны на принципе эгалитаризма, в то время как Священный Союз объединял на принципе «иерархизма», что было более реалистично.

Зызыкин также резко критикует принятие в Лигу Наций СССР, полагая, что к этому привел в числе прочего религиозный нигилизм значительной части международных юристов, создавший ситуацию, когда «среди членов Лиги Наций мог оказаться СССР, официально проводящий воинственное безбожие, вводящий рабский труд и не признающий естественное право человека на жизнь, свободу и законность. Это — враг гораздо более грозный для христианской культуры, чем Ислам, с которым боролась средневековая Европа» (Там же: 140). Советская Россия, хотя и признается юридически преемником Российской империи, но не является фактическим преемником России в ее европейской миссии. Российская империя весь XIX век способствовала стабильности и равновесию сил Европы, в то время как советское государство имеет задачи распространения своей идеологии социалистического переустройства мира, поддержки коммунистических революционных движений. С принятием СССР в Лигу Наций «место Восточной империи занял III Интернационал: на место идеи вмешательства за православных христиан, находившихся под игом Ислама, явилось сеяние социалистической революции во всем мире» (Там же: 170). Со стороны Лиги Наций прием СССР выявляет иллюзии международной организации «о возможности втянуть и подчинить себе государство, в котором строй основан на отрицании самой идеи государства, выработанного современной культурой. ...Советская доктрина отвергает арбитраж, защищает принцип абсолютного суверенитета государства, все институты международного права оценивает через призму классово-морали» (Там же: 173).

Недостатком Священного Союза 1814 года было то, что он был связан с определенной формой правления — монархией — и со всем существовавшим тогда публичным династическим правом, в эпоху, когда международное право еще четко не отделилось от права публичного государственного³³. Тем не менее с юридической точки зрения Священный Союз был прогрессивен, он развивал междуна-

32. Ср. с оценкой гуманистического морализма после Первой мировой войны, который лишь внешне способствует укреплению международного правопорядка у Карла Шмитта (Шмитт, 2008: 329–359).

33. Впрочем, монархию XIX в. Зызыкин рассматривает как своего рода двигатель правового прогресса. Ср.: Зызыкин, 1958: 27–28: «Авторитета монарха, возвышенного Императором Николаем I, хватило на то, чтоб освободить крестьян от крепостного права в 1861 году, сломив большинство дворянской оппозиции в Государственном Совете, и начать то, что называется эпохой великих реформ. Также хватило авторитета и на то, чтобы в 1870 году односторонне разорвать условия Парижского мира, заключенного в марте 1856 года, заключавшие в себя обязательство не строить крепостей на берегах Черного моря и не восстанавливать Черноморский флот. А в 1878 году было восстановлено право участия России в покровительстве христианским подданным султана».

родное право, поставив над монархами общие принципы христианской этики, он предлагал внести открытость и мораль в международное общение, в противовес сложившемуся представлению о том, что пространство общения между государствами — это пространство обмана, дипломатической скрытности и военной хитрости. Сторонники Священного Союза, если у них «и бывало смешение между правом и силой, то уж по крайней мере не смешивали силы с моралью» (Там же: 176): религия, а не военная победа (сила) давала основание для международной этики.

Лига Наций также возникает в сложный послевоенный момент и в ней переплелось очень много идей. Некоторые международные правоведы хотели бы видеть Лигу в качестве универсального парламента, своего рода сверхгосударства («*Sur-Etat*»), вдохновляющегося «лаицированным гуманитаризмом» (Там же: 166). Именно такой антиклерикальный секулярный гуманизм призван был стать новым основанием объединения всех народов планеты в новой цивилизации, где действует презумпция равной доброй воли у всех людей и государств.

Отметим, что у Зызыкина, который сосредоточен на критике Лиги Наций за секуляризм и открытость СССР (Советский Союз у него образует абсолютный негативный полюс по отношению к Священному союзу), не упоминаются факты сотрудничества Лиги с религиозными организациями и церквями³⁴.

Лига Наций, согласно Зызыкину, является попыткой создать сдерживающее начало для государств, авторитетную инстанцию, у которой при этом нет прав суверенитета, и это уподобляет ее Святому Престолу в Риме. «Подобное явление уже существовало в международном праве для папства после 1871 года, когда папство, не имея также территориального суверенитета, сохраняло *de jure* и *de facto* прерогативу независимости суверенитета и было лицом международного публичного права, не будучи государством, но оставаясь властью» (Зызыкин, 1933: 42–43).

Однако, учитывая все изложенные недостатки Лиги Наций, Зызыкин уверен, что Лига как международный проект уже потерпела поражение. Впрочем, он еще не предполагает, какие формы примет международная организация человечества после Второй мировой войны и как ошибки предыдущих периодов будут учтены при создании Организации Объединенных Наций.

Заключение

Теоретические разработки Зызыкина имеют ценность как едва ли не первая и уникальная попытка (если не считать работу Таубе 1926 года), во-первых, описать историческую роль православного мировоззрения в возникновении и эволюции

34. При этом Зызыкин знаком с текстами швейцарского писателя Гонзага де Рейнольда (1880–1970), консервативного католика, игравшего важную роль в Международном комитете по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций. Книга Рейнольда «*L'Europe tragique: La Révolution moderne, La fin d'un monde*» (Reynold, 1934) цитируется в: Зызыкин, 1937: 17. О католическом участии в Международном комитете интеллектуального сотрудничества см.: Shine, 2018.

международного права, во-вторых, оценить нарождающуюся область международных организаций в XX веке с точки зрения восточного христианства, православия.

В то же время необходимо признать, что эти попытки остались довольно маргинальными, у нашего правоведа не было единомышленников и продолжателей, даже просто ссылающихся на его международно-правовые тексты. Здесь сказалось и своеобразное положение самого Зызыкина, русского эмигранта, православного ученого в католической Польше накануне ее оккупации, профессора Варшавского Православного факультета, писавшего статьи в защиту Польской автокефальной церкви, однако лично принадлежавшего к Русской православной церкви за границей. Его исследования остались неизвестны юристам-международникам его времени. Тем не менее из сегодняшнего дня мы можем назвать их смелой междисциплинарной инициативой. Даже там, где работа носит компилятивный характер, она показывает обширную эрудицию, способность автора к синтезу разнообразных точек зрения, классическое образование в русской дореволюционной школе государственного и международного права. Зызыкин с уважением пишет о международных инициативах римского папы (возможно, сказывается взгляд из Польши), предполагая, что мир в будущем должен иметь иерархию моральных авторитетов (что не означает, что речь идет о единственном авторитете). В круге чтения Михаила Валерьяновича по международному праву много католических авторов: не заимствуя их выводы, он часто отталкивается от их постановки проблем.

Основываясь на работах Таубе, продолжателя Мартенса, Зызыкин предлагает свои оригинальные идеи о том, что Византия была *самодостаточным* центром организации международного общения юго-восточных народов Европы и Ближнего Востока на восточно-христианских началах; и что Россия унаследовала традиции международного права вместе с византийским мирозерцанием, совмещающая их с европейским международным правом в имперский период. Типичными институтами восточно-христианской системы международного права, которые ее характеризуют и отличают от западной, русский правоведа считает, во-первых, «вмешательство по человечеству (т. е. гуманитарную интервенцию. — И. Б.) во внутренние дела государства», во-вторых, «построение международного общения на христианских началах» (Зызыкин, 1937: 3). Не в смысле «христианского крестового похода», но, скорее, как труд организации и диалога: «на христианстве лежит долг работы над этим общим правосознанием, в основе которого идеи справедливости, лишь усовершенствованные идеей христианской любви» (Там же: 133).

Литература

Алексеев Н. Н. (1938). Всемирный съезд практического христианства в Оксфорде // Новый град. № 13. С. 152–163.

- Байков А. Л.* (1904). Современная международная правоспособность папства в связи с учением о международной правоспособности вообще: историко-догматическое исследование. СПб.: Типография им. М. М. Стасюлевича.
- Батлер У. Э., Иваненко В. С.* (2019). 150-летие профессора М. А. Таубе: годы становления и триумфа, забвения и возрождения. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. № 4. С. 796–814.
- Бердяев Н. А.* (1925). Царство Божие и царство кесаря // Путь. № 1. С. 31–52.
- Быковская Н. В.* (2009). Виноделие в Ярославской губернии. Винозаводчики Зызыкины в Ростове. Судьба потомков // История и культура Ростовской земли. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». С. 40–51.
- Виватенко С. В.* (2016). Французские правые партии и Ватикан в годы Первой мировой войны. Трудный выбор между родиной и верой // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 16–2. С. 58–67.
- Зызыкин М. В.* (1924). Царская власть и Закон о престолонаследии в России. София: А.А. Ливен.
- Зызыкин М. В.* (1931–1939). Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. В 3-х ч. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1931а). Функция церковной власти. Епископ как ее орган. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1931б). Церковный канон и право государства в замещении епископских кафедр. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1932). О церковной самостоятельности в новейших построениях церковно-государственных отношений. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1933). Философия власти в свете христианской социологии. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1934). Международное общение и положение в нем человеческой личности (Социологический очерк). Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1937). Церковь и международное право. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1939). О каноническом положении правящего епископа и областного первоиерарха-предстоятеля в Православной Церкви. Варшава: Синодальная типография.
- Зызыкин М. В.* (1952). Тайны Императора Александр I. Буэнос-Айрес: Наше дело.
- Зызыкин М. В.* (1958). Император Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 г. Буэнос-Айрес: Наше дело.
- Камаровский Л. А.* (1900). Международное право. М.: Тип. Общества распространения полезных книг.
- Каптерев Н. Ф.* (1895) Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. Санкт-Петербург: Императорское православное палестинское общество.
- Коровин Е. А.* (1931). Католицизм как фактор современной мировой политики. М., Ленинград: ОГИЗ.

- Мандельштам А. Н.* (1900). Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. 1. СПб.: Тип. А. Бенке.
- Мартенс Ф. Ф.* (1882). Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения.
- Псарев А.* (2003). Русская Православная Церковь за границей и экуменическое движение 1920–1948 гг. // Церковь и время. № 1. С. 182–202.
- Сулковская-Зызыкина Т.* (2012). Воспоминания // Русские страницы в истории Польши. Книга 4. Варшава: Российский дом. С. 23–41.
- Стародубцев Г. С.* (2000). Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Книга и бизнес.
- Струве Н. А.* (ред.). (2000). Братство Св. Софии: Материалы и документы 1923–1939. М., Париж: Русский путь, YMCA-Press.
- Таубе М. А.* (1894–1899). История зарождения современного международного права: Средние века. Т. 1: Санкт-Петербург: Типолит. П.И. Шмидта; Т. 2: Харьков: Паровая тип. и лит. Зильберберг.
- Томсинов В. А.* (2019). Христианская доктрина международного права в творчестве Л. А. Камаровского // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. № 3. С. 38–67.
- Федотов Г. П.* (1937). После Оксфорда // Современные записки. № 45. С. 430–444.
- Чибисова А. А.* (2018). Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви 1924 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вып. 81. С. 61–80.
- Шмитт К.* (2008). Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum* / Пер. с нем. К. Лощинского и Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль.
- Brewer J. D.* (2007). *Sociology and Theology Reconsidered: Religious Sociology and the Sociology of Religion in Britain* // *History of the Human Sciences*. Vol. 20. № 2. P. 7–22.
- Boegner M.* (1926). *L'Influence de la Réforme sur le développement du droit international*. Paris: Hachette.
- Butler W. E.* (2009). *Russia and the Law of Nations in Historical Perspectives: Collected Essays*. London: Wildy, Simmonds.
- Croxton D.* (2013). *Westphalia: The Last Christian Peace*. New York: Palgrave Macmillan.
- Del Vecchio G.* (2018). *Il diritto internazionale e il problema della pace*. Roma: Studium.
- Heraclides A., Dialla A.* (2015). *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester: Manchester University Press.
- Koskenniemi M.* (2011). *Histories of International Law: Dealing with Eurocentrism* // *Rechtsgeschichte*. Vol. 19. P. 152–177.
- Koskenniemi M.* (2012). *A History of International Law Histories* // *Fassbender B., Peters A.* (eds.). *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Oxford: Oxford University Press. P. 943–944.
- Laurent F.* (1851). *Histoire du droit des gens et des relations internationales*. Tôme Premier: l'Orient. Paris: Durand.

- La Brière Y. de.* (1924). L'organisation internationale du monde contemporain et la papauté souveraine. Paris: Spes.
- Mälksoo L.* (2015). Russian Approaches to International Law. Oxford: Oxford University Press.
- Nys E.* (1893). Les origines du droit international. Bruxelles: Castaignes.
- Oldham J. H.* (ed.) (1937). The Churches Survey Their Task: The Report of the Conference at Oxford, July 1937, on Church, Community, and State. London: George Allen & Unwin.
- Pius IX* (1860). Allocuzione Novos Et Ante, 28. 09. 1860. URL: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/allocuzione-novos-et-ante-28-settembre-1860.html> (дата доступа: 25.08.2020).
- Reynold G. de.* (1934). L'Europe tragique: La Révolution moderne, La fin d'un monde. Paris, Spes.
- Rougier A.* (1910). Théorie de l'intervention d'humanité. Paris: A. Pedone.
- Taube M. de* (1926). Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe orientale // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 11. P. 341–556.
- Traz R. de* (1936). De l'alliance des rois à la ligue des peuples, Sainte-Alliance et Société des Nations. Paris: Grasset.
- Tröltzsch E.* (1963). Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt. Aalen: Zeller.
- Troy J.* (2017). Two «Popes» to Speak for the World: The Pope and the United Nations Secretary General in World Politics // Review of Faith & International Affairs. Vol. 15. № 4. P. 67–78.
- Shine C.* (2018). Papal Diplomacy by Proxy? Catholic Internationalism at the League of Nations' International Committee on Intellectual Cooperation, 1922–1939 // The Journal of Ecclesiastical History. Vol. 68. № 4. P. 785–805.
- Zyzykin M.* (1936). L'Église orthodoxe et la nation // Irénikon. Vol. 13. № 3. P. 265–277.
- Zyzykin M.* (1940). L'Église et le droit international. Bruxelles: Éditions de la Cité chrétienne.

International Law and the Orthodox Church: Ideas of M. V. Zyzykin in the 1930s

Irina Borsch

Candidate of Legal Sciences, Senior Research Fellow, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University

Address: Lihov per., 6, str. 1, Moscow, Russian Federation 127051

E-mail: irina.borschch@yandex.ru

The article discusses the ideas of Mikhail V. Zyzykin (1880–1960) about the contribution of the Church to international law in the context of its history and the international relations in the 1930s. Special attention is paid to the relation of Orthodoxy to international law, since Zyzykin is one of the few jurists who have studied in detail the influence of the Orthodox Church tradition on the law of nations. His works on this subject (first of all, an essay *The Church and International Law* (1937), based on a report at the Oxford conference of practical Christianity in 1937), remain little known to social and political science. The article considers the main provisions of Zyzykin about the origin of international law in medieval Europe with the participation of the Church in the context of the positions of other international lawyers (Taube, Martens, Kamarovsky, Nys, Bluntschli). It contains a comparative characteristic of the attitude to international law of the three Christian denominations (Catholicism, Protestantism, and Orthodoxy) according to Zyzykin and his idea of the Christian West and East “asymmetric” international contribution (the East was represented initially by the Eastern Roman Empire, and then by the Russian Empire). The fourth part describes the most original part of Zyzykin’s ideological legacy: a comparison of two vulnerable attempts of international organization, the Holy Alliance in the XIX century and the League of Nations in the XX century.

Keywords: Orthodox church and international law, M. V. Zyzykin, law and religion, Christian international law, the history of legal thought in XX century

References

- Alekseev N. (1938) *Vsemirnyj s'ezd prakticheskogo hristianstva v Oksforde* [World Congress of practical Christianity in Oxford]. *Novy grad*, no 13, pp. 152–163.
- Baikov A. (1904) *Sovremennaja mezhdunarodnaja pravospособnost' papstva v svjazi s ucheniem o mezhdunarodnoj pravospособnosti voobshhe: Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Modern International Legal Capacity of the Papacy in Relation with the Doctrine of International Legal Capacity in General: Historical Dogmatic Research], Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich.
- Berdyayev N. (1925) *Carstvo Bozhie i carstvo kesarja* [The Kingdom of God and the Kingdom of Caesar]. *Put'*, no 1, pp. 31–52.
- Boegner M. (1926) *L'Influence de la Réforme sur le développement du droit international*, Paris: Hachette.
- Brewer J. D. (2007) *Sociology and Theology Reconsidered: Religious Sociology and the Sociology of Religion in Britain*. *History of the Human Sciences*, vol. 20, no 2, pp. 7–22.
- Butler W. (2009) *Russia and the Law of Nations in Historical Perspectives: Collected Essays*, London: Wildy, Simmonds.
- Butler W., Ivanenko V. (2019) 150-letie professora M. A. Taube: gody stanovlenija i triumfa, zabvenija i vozrozhdenija [150th Anniversary of Professor M. A. Taube: Years of Development and Triumph, Oblivion and Renaissance]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, no 4, pp. 796–814.
- Bykovskaya N. (2009) Vinodelie v Jaroslavskoj gubernii. Vinozavodchiki Zyzykiny v Rostove. Sud'ba potomkov [Wine-Making in Yaroslavl Province. Zyzykin Wineries in Russia. The Fate of Descendants]. *Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli* [History and Culture of Rostov Land], Rostov: Rostovskiy kreml, pp. 40–51.
- Chibisova A. (2018) Avtokefalija “pod kljuch”: nekotorye fakty iz istorii Pol'skoj Cerkvi 1924 g. [Autocephaly “Ready to Move In”: Some Facts from the History of the Polish Church of 1924]. *St. Tikhon's University Review*, no 81, pp. 61–80.
- Croxton D. (2013) *Westphalia: The Last Christian Peace*, New York: Palgrave Macmillan.
- Del Vecchio G. (2018) *Il diritto internazionale e il problema della pace*, Roma: Studium.
- Fedotov G. (1937) Posle Oksforda [After Oxford]. *Sovremennye zapiski*, no 45, pp. 430–444.
- Heraclides, A., Dialla A. (2015) *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*, Manchester: Manchester University Press.
- Kamarovsky L. (1900) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow: Obshhestvo rasprostraneniya poleznykh knig.
- Kapterev N. (1895) *Snosheniya Ierusalimskih Patriarhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do konca XVIII stoletija* [The Relations of Jerusalem Patriarchs with Russian Government from

- the Middle of the 16th to the End of the 18th Centuries], Saint Petersburg: Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo.
- Korovin E. (1931) *Katolicizm kak faktor sovremennoj mirovoj politiki* [Catholicism as a factor of Modern World Politics], Moscow, Leningrad: OGIz.
- Koskenniemi M. (2011) Histories of International Law: Dealing with Eurocentrism. *Rechtsgeschichte*, vol. 19, pp. 152–177.
- Koskenniemi M. (2012) A History of International Law Histories. *The Oxford Handbook of the History of International Law* (eds. B. Fassbender, A. Peters), Oxford: Oxford University Press, pp. 943–944.
- Laurent F. (1851) *Histoire du droit des gens et des relations internationales. Tôme 1: l'Orient*, Paris: Durand.
- La Brière Y. de (1924) *L'organisation internationale du monde contemporain et la papauté souveraine*, Paris: Spes.
- Mälksoo L. (2015) *Russian Approaches to International Law*, Oxford: Oxford University Press.
- Mandelshtam A. (1900) *Gaagskie konferencii o kodifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava. T. 1* [Hague Conferences on the Codification of International Private Law, Vol. 1], Saint Petersburg: A. Berne.
- Martens F. (1882) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov. T. 1* [Modern International Law of Civilized Nations, Vol. 1], Saint Petersburg: Ministerstvo putey soobshcheniya.
- Nys E. (1893) *Les origines du droit international*, Bruxelles: Castaignes.
- Oldham J. H. (ed.) (1937) *The Churches Survey Their Task: The Report of the Conference at Oxford, July 1937, on Church, Community, and State*, London: George Allen & Unwin.
- Psarev A. (2003) Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' Zagranicej i jekumenicheskoe dvizhenie 1920–1948 gg. [Russian Orthodox Church Abroad and the Ecumenical Movement of 1920–1948]. *Church and Time*, no 1, pp. 182–202.
- Pius IX. (1860) Allocuzione Novos Et Ante, 28. 09. 1860. Available at: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/allocuzione-novos-et-ante-28-settembre-1860.html> (accessed 24 August 2020).
- Reynold G. de (1934) *L'Europe tragique: La Révolution moderne, La fin d'un monde*, Paris: Spes.
- Rougier A. (1910) *Théorie de l'intervention d'humanité*, Paris: A. Pedone.
- Sulkovskaya-Zyzykina T. (2012) Vospominaniya [Memories]. *Russkie stranicy v istorii Pol'shi. T. 4* [Russian Pages in the History of Poland, Vol. 4], Warsaw: Rossiisky dom, pp. 23–41.
- Starodubtsev G. (2000) *Mezhdunarodno-pravovaja nauka rossijskoj jemigracii (1918–1939)* [International Legal Science of Russian Emigration (1918–1939)], Moscow: Kniga i biznes.
- Struve N. (ed.) (2000) *Bratstvo Sv. Sofii: Materialy i dokumenty, 1923–1939* [The Brotherhood of St. Sofia: Materials and Documents, 1923–1939], Moscow, Paris: Russky put, YMSA-Press.
- Taube M. (1894–1899) *Istorija zarozhdenija sovremennogo mezhdunarodnogo prava: Srednie veka* [History of the Origin of Modern International Law: Middle Ages], Vol. 1: Saint Petersburg: P. I. Shmidt; Vol. 2: Kharkov: Zilberberg.
- Taube M. (1926) Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe orientale. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 11, pp. 341–556.
- Tomsinov V. (2019) Hristianskaja doktrina mezhdunarodnogo prava v tvorchestve L. A. Kamarovskogo [Christian Doctrine of International Law in the Works of L. A. Kamarovsky]. *Moscow University Law Bulletin*, no 3, pp. 38–67.
- Traz R. de (1936) *De l'alliance des rois à la ligue des peuples, Sainte-Alliance et Société des Nations*, Paris: Grasset.
- Trölsch E. (1963) *Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt*, Aalen: Zeller.
- Troy J. (2017) Two "Popes" to Speak for the World: The Pope and the United Nations Secretary General in World Politics. *Review of Faith & International Affairs*, vol. 15, no 4, pp. 67–78.
- Schmitt C. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg: Vladimir Dahl.
- Vivatenko S. (2016) Francuzskie pravye partii i Vatikan v gody Pervoj mirovoj vojny: trudnyj vybor mezhdru rodinoy i veroy [French Right-Wing Parties and the Vatican during the World War I:

- Difficult Choice between Homeland and Faith]. *Transactions of the Chair of Modern and Current History*, no 16–2, pp. 58–67.
- Shine C. (2018) Papal Diplomacy by Proxy? Catholic Internationalism at the League of Nations' International Committee on Intellectual Cooperation, 1922–1939. *The Journal of Ecclesiastical History*, vol. 68, no 4, pp. 785–805.
- Zyzykin M. (1924) *Carskaja vlast' i Zakon o prestolonasledii v Rossii* [Tsarist Power and the Law of Succession in Russia], Sofia: A. A. Liven.
- Zyzykin M. (1931–1939) *Patriarh Nikon: ego gosudarstvennye i kanonicheskie idei* [The Patriarch Nikon: His State and Canonical Ideas], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1931) *Funkcija cerkovnoj vlasti: episkop kak ejo organ* [The Function of the Church Authorities: The Bishop as Its Organ], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1931) *Cerkovnyj kanon i pravo gosudarstva v zameshhenii episkopskih kafedr* [Ecclesiastical Canon and the Right of the State to Replace Episcopal Chairs], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1932) *O cerkovnoj samostojatel'nosti v novejsih postroenijah cerkovno-gosudarstvennyh odnoshenij* [On Church Independence in the Latest Constructions of Church-State Relations], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1933) *Filosofija vlasti v svete hristianskoj sociologii* [The Philosophy of Power in the Light of Christian Sociology], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1934) *Mezhdunarodnoe obshhenie i polozenie v nem chelovecheskoj lichnosti (sociologicheskij ocherk)* [International Communication and the Position of the Human Person in It (Sociological Essay)], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1936) L'Église orthodoxe et la nation. *Irénikon*, vol. 13, no 3, pp. 265–277.
- Zyzykin M. (1937) *Cerkov' i mezhdunarodnoe pravo* [Church and International Law], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1939) *O kanonicheskom polozenii pravjashhego episkopa i oblastnogo pervoierarha-predstojatelja v Pravoslavnoj Cerkvi* [On the Canonical Status of the Ruling Bishop and Regional First Hierarch-Primate in the Orthodox Church], Warsaw: Sinodalnaya tipografiya.
- Zyzykin M. (1940) *L'Église et le droit international*, Bruxelles: Éditions de la Cité chrétienne.
- Zyzykin M. (1952) *Tajny Imperatora Aleksandra I* [Secrets of the Emperor Alexander I], Buenos Aires: Nashe delo.
- Zyzykin M. (1958) *Imperator Nikolaj I i voennyj zagovor 14 dekabrja 1825 g.* [Emperor Nicholas I and the Military Conspiracy of December 14, 1825], Buenos Aires: Nashe delo.